

А.Д. Ивинский

**К ВОПРОСУ О КОНТЕКСТАХ «ФЕЛИЦЫ»:
В.П. ПЕТРОВ (МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ)**

Аннотация

В данной статье мы пытались раскрыть связь «Фелицы» с традицией русской торжественной оды. Г.Р. Державин использовал в своем тексте ряд мотивов, которые были в 1760–1770-е годы разработаны Петровым. При этом Державин и наследовал Петрову, и порывал с ним. Он парадоксальным образом сочетал в «Фелице» откровенно архаичную идеологию и резко новаторскую форму.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, В.П. Петров, «Фелица», ода.

Ivinsky A.D. To the problem of the context of «Felitsa»: V.M. Petrov (Approaches to the theme)

Summary. In this article we have tried to describe «Felitsa»'s connection with the tradition of Russian ode. G.R. Derzhavin used in his text a number of motives that were earlier developed by V.P. Petrov in the 1760–1770. In «Felitsa» Derzhavin combined Petrov's archaic ideology and innovative form of the «new ode».

Исследователи справедливо отмечали новаторский характер «Фелицы»¹, однако ее связь с традицией русской торжественной оды в должной мере до сих пор не раскрыта. Один из важнейших ее контекстов – творчество В.П. Петрова. С нашей точки зрения, Г.Р. Державин использовал в своем тексте ряд мотивов, которые были в 1760–1770-е годы разработаны Петровым.

История как личных, так и творческих взаимоотношений двух поэтов пока не написана. Мы вынуждены опираться на немногие известные факты и свидетельства.

Во-первых, мы знаем, что они были знакомы и поддерживали отношения; ср., напр.: «Между известными того времени поэтами, посещавшими Державина, к удивлению моему, не однажды не

сходился я с Княжнинным и Петровым. <...> Оды его и тогда были при дворе и у многих словесников в большом уважении»².

Во-вторых, исследователи уже указывали на цитаты из Петрова как в раннем, так и в позднем творчестве Державина³.

В-третьих, еще в начале XIX в. связь творчества Петрова и Державина была очевидна. Так, например, П.А. Вяземский утверждал, что Петров – один из учителей Державина: «Первыми его учителями в стихотворстве были, кажется, Ломоносов и Петров. У первого он научился звучности языка пиитического и живописи поэзии; у другого похитил он тайну заключать живую, или глубокую мысль в живом и резком стихе – тайну, совершенно неизвестную Ломоносову. В скором времени Державин сравнился с наставниками, и, конечно, превзошел Петрова»⁴. Напомним также и хрестоматийно известную характеристику, данную А.С. Пушкиным в «Воспоминаниях в Царском селе»: «Державин и Петров героям песнь бряцали // Струнами громозвучных лир»⁵. В сознании молодого поэта Державин и Петров связаны как наиболее яркие выразители екатерининского «громкого века военных споров», правда при этом, вопреки хронологии, Державин оказался на первом месте, что, впрочем, не означало, что Петрова можно предать забвению, и в глазах Пушкина он остается одним из важнейших поэтов эпохи.

В настоящей заметке мы не хотели обсуждать вопрос о явных и скрытых державинских цитатах из Петрова: интересовало соотношение картин мира и связанных с ними идеологий. При этом мы намеренно ушли от сопоставления петровских и державинских «громозвучных» батальных од, между которыми имеется некоторое количество частных соответствий, и сосредоточились на демонстрации того, как в едва ли не наиболее не- и даже антипетровской оде Державина недвусмысленно проступали константы той интерпретации екатерининского царствования, которую создал Петров.

Как хорошо известно, «Фелица» строилась на противопоставлении императрицы ее вельможам, при этом «киргиз-кайсацкой царице» приписывались все лучшие качества, а мурзам – худшие⁶. Именно Фелица должна была подать пример правильного поведения:

*Подай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?⁷*

Герою нужна помощь императрицы, потому что он раб своих «прихотей». Фелица жила просто, все свое время проводила в полезных трудах, чуждалась развлечений:

*Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пиешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.
Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам – в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток⁸.*

Мурза же, напротив, проводил время в мечтах, пирах, любви, охоте. Однако это не какая-то оригинальная черта героя, напротив:

*Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,*

*Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой⁹.*

«Путь добродетели» известен только Екатерине II, и она открывает его «слабым смертным», сотворить «свет из тьмы», «космос» из «хаоса», создать счастье из «страстей свирепых»:

*Нашел, – но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет,
Пашей всех роскошь угнетает. –
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?*

*Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормицк, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревуций,
Умеет судном управлять¹⁰.*

При этом исключительно важно, что Фелица боролась со злом не жестокостью, а «снисхождением»¹¹:

*Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, –
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их¹².*

Она даровала подданным свободу думать и говорить:

*Неслыханное также дело,
Достойное тебя! Одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей золам
Всегда склоняешься простить.*

Она ангел, ниспосланный с небес, чтобы править империей:

*Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!¹³*

Она «слава Бога», благодаря помощи которого были остановлены войны, спасены бедные, просвещены «все смертные»:

*Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит!¹⁴*

Все эти мотивы без труда обнаруживаются в текстах Петрова 1760–1770 гг., который придал комплиментарной оде ломоносовского типа¹⁵ ту завершенность, которая позволила поклонникам «Фелицы» говорить об исчерпанности ломоносовской линии¹⁶.

Основной конфликт од Петрова – противоборство Истины и Лжи. Основная цель, которую он преследует, – создать картину идеального государства, живущего по законам Истины.

В таком государстве царят «тишина» и гармония:

*Не всуе скиптр Тебе вручен,
Всему спасителен он миру;
Тебе облекшейся в порфиру
Во славу Север облечен.*

*Но скучных тучах утро красно
Когда покажет верный знак,
Что небо должно быть ясно;
Коль утра мил такого зрак?
Краснеет горизонт безмрачен,
Журча крутится ток прозрачен,
Под златом блещут чела гор,
Роса живет луга зелены,
Животным льется бодрость в члены,
По роцам птиц не молкнет хор¹⁷.*

Естественно, что образ идеального мира у Петрова находит свое полное выражение в современной ему России, символом которой является молодая императрица Екатерина II. Однако торжеству Истины на земле постоянно мешают происки различных врагов. И Петрову очень важно показать, что Россия на протяжении всей своей истории ведет непрерывную борьбу со злом, хотя наибольших успехов достигла только во время царствования Екатерины. Поэтому одной из главных тем поэзии Петрова является тема избранности России в борьбе с Неправдой. В этом смысле интерес Петрова привлекают две фигуры в истории – Петр Первый и Екатерина Вторая. Следует отметить, что личность Петра не имеет уже того сакрального значения, которое ей придавал, например, М.В. Ломоносов (ср.: «Он бог, он бог был твой Россия»). Петр в исторической концепции Петрова – начинатель России, первый, кто вступил на истинный путь, но не более. Весьма показательной в этом смысле является обширная ода «На заключение с Оттоманскою Портою мира» (1775), центральную часть которой составляет диалог Судьбы и Мудрости о судьбах Норда, роли России и происках ее противников. Рассуждая о достижениях Петра, Судьба

уговаривает Премудрость сойти на землю в облике Екатерины и установить наконец там закон:

*Теперь Сама с небес Ты сниди,
И тронов изуми стражей;
<...>
Жены во образ облекися,
ЕКАТЕРИНОЙ облекися,
И сяди на ПЕТРОВ престол
<...>
Дела ПЕТРОМ не довершены
ЕКАТЕРИНОЙ соверши;
Исправи нравы повреждены,
Закон им ясен напиши.
Провозвести пространну миру,
Что отчество Россия сиру,
Простри объятия Твои,
Да под чужим рождены небом,
Призренные насущным хлебом,
Летят к Тебе, как пчел рой¹⁸.*

Петров подчеркивает, что только «сейчас» явилась «истинная посланница небес»:

*О вестник Божия совета!
Свершилось, еже ты предрек.
Свидетели все части света,
Каков ЕКАТЕРИНИН век.
Помазанницу зрим Господню,
Что вержа злобу в преисподнюю
Мир хочет в роды одолжить.
Коль нужны дышущим стихии
ЕКАТЕРИНА толь России;
Она достойна вечно жить¹⁹.*

Петров регулярно подчеркивает сакральную сущность власти Екатерины, которая принесла в Россию свет высших Истины и Закона:

*Там разным племена языком
Ко Господу взывают сил;*

*Велик Господь в Петре Великом,
Велик в Елисавете был:
Но коль прославлен, дивен ныне
В возлюбленной ЕКАТЕРИНЕ,
Орудии твоих чудес;
Ты ими насаждал в нас крины
Законом ты ЕКАТЕРИНЫ
Преложешь землю в вид небес²⁰.*

Ср.:

*Российская к сей день Царица
При громком шуме торжества
Как вожделенная денница
Блеснула славой божества.
Еще блистает к нам лучами,
Еще пред нашими очами
Священны зрятся красоты!
Предвестница душевна ведра,
Бесценный дар к нам Неба щедра,
Гряди; благословенна Ты!²¹*

Другим важнейшим для Петрова мотивом является мотив преступности мира, погрязшего в «грехе», «неправде». «Истина», «Совість» вынуждены были бы совсем покинуть Землю, если бы не Екатерина и ее страна, которые ведут праведный образ жизни:

*Я искра Божества, я Совесть,
Вещает тако Дева мне:
<...>
Сердец превышая отрада
С людьми я вечно жити рада;
Но быв забвенна от людей,
Сама я их позабывала,
В молчаньи скучном пребывала,
Внутри их беспечных спя грудей.*

*И безучастна в их совете,
Из градов бегала в леса,
Как чужестранница в сем свете
Скрывалась часто в небеса.*

*Теперь меня Екатерина,
Блаженства Северу причина,
Со небу долу созвала,
Иль паче спящу разбудила,
Везде мне храмы соорудила,
Чтоб я Богинею была²².*

Теперь же «Совесть», естественно, благодаря Екатерине II, торжествует в России:

*Как жадну ниву после ведра
Проходит благодатный дождь:
Глубоко душ я вниду в недра,
Свидетель чувствий всех и вождь.
Источники злых дум иссякнут,
И, как от солнца воск, умякнут,
Ожесточенные сердца.
<...>
Исчезнут тяжбы и раздоры,
И ябеда, пренаглый волк,
Мздоимцев пища, вечны споры
И хитростный закона толк.
Пойду и каждого понужу
Жить так, как должно честну мужу²³.*

Екатерина, по Петрову, должна была исправлять нравы, и в результате победить «неправду»:

*Иль извергов природы дерзких
В правдивом гневе порази;
Или полки чудовищ мерзких
Опять в людей преобрази.
Не дай распространиться яду;
Запри уста разверсты аду;
Во нравах награди урон:
Дабы, сколь ток твой чист и ясен,
В сердцах толь светел и прекрасен
Вновь Божий возблистал закон²⁴.*

Ср. этот же мотив в поздних одах:

*Как нова юностью орлица,
Ты радостями возлетай
И в мир, блаженная Царица,
Входящих правнуков сретай.
Великая, их жмя ко груди,
Праматерью великих буди.
Умножь под крыльями птенцев,
И их Себе сообразуя,
Несестье ими наказуя,
Низрини зло с земных концев.*

Этого Петрову кажется недостаточно, и он приравнивает Россию небесному Царству; сами боги спускаются на землю, чтобы увидеть это чудо:

*Его поправша злость змиину
С зари здесь видят до зари;
Чтоб созерцать Екатерину
Нисходят с тронов их Цари;
С небес нисходят сами боги,
Оставля звездные чертоги,
И путешествуют сюда:
Да Смертну узрят очесами
Творящу землю небесами:
Наш, дщери, стоит путь труда²⁵.*

В 1790-е годы тема неутомимого зла обрела конкретное политическое выражение. Один из главных объектов нападок Петрова – республиканская форма правления. По его мнению, она отвергает священную правду, подменяет истинную свободу «порочным сеймом» и может привести только к разрушительным последствиям и уничтожению всех несогласных:

*Им Сейм широки к буйству двери.
Тогда-то сии полужвери
В бой когти изостряя свои
Усобь дерутся возбесяся;
И часто с их кровью смешася
Краснеют Вислины струи.*

<...>

*В чудовищей преобразились
Секванским духом заразились.
Поправ священные права,
Грозят скрыть храмы и расхитить,
Чужим имуществом насытить
Их алчны руки, рты, чрева.*

И далее:

*Грозят во все края достигнуть;
Царей с престолов низложить
Возлесть на твердь, Творца с ней сдвинуть
И в век законом уложить:
Чтоб все на свете были равны;
Все наглы, хищны, зверонравны.
Когда не так: весь дол трясти,
Поделать пропасти ужасны,
И, кои с ними не согласны,
Живых во аде погребсти²⁶.*

В другой оде читаем о «греховной жизни» поляков, презревших истину и поклоняющихся идолам:

*Кроме не многих сердцем правых,
Держась которы мыслей здравых
Во гнусну не вдалися злость;
От черни до вельмож всевластных
Все прочи, сонм невежд нещастных,
Колелбемы, как вихрем трость.*

*То идолом кого поздравят,
И поклоняются ему;
То скучась тем; другого ставят,
Морят в густом кадил дыму.
Под разными всегда предлоги
Меняются их мысль и боги.
Подобье сущее детей:
Им лестны новые затеи
И были б только чародеи.
Они суть жертва их сетей²⁷.*

На этом фоне раскрывается всемирно-историческое значение Российской империи, это мир закона, порядка, космоса, а не хаоса:

*По точному закону ходит
На небе ясный вождь планет;
ЕКАТЕРИНА где предводит,
Слепому року места нет.
Где смертных ум изнемогает,
Она удобно постигает,
Причин союзы, благо, зло,
Начала, средства, ток, степени,
Прямые виды действ и тени,
Всего вес, меру и число²⁸.*

И конечно, это мир милосердия, противопоставленный царящему вокруг злу и жестокости:

*Где нет Борея, там Зефир;
Где нет Магмеда, тамо мир.
Твоя где область расширится,
Там суд и милость водворится²⁹.*

В соответствии с этими представлениями на первый план выдвигается мессианская идея. Россы во главе с Екатериной должны покарать зло и установить на всей земле тот порядок, который с таким успехом вводился в России:

*Карай, исполни власть Господню,
Губи чудовища земли,
Низвергни злобу в преисподнюю,
И брань окованну зашли
Туда, где аспиды грызутся,
Где тигры лютые пасутся³⁰.*

Или:

*«Восстани днесь, восстань Деввора,
Преступны грады разори;
Теки, низвергни Вельфегора,
Мои воздвигни олтари.*

*От ига мой народ избави,
Судей над царствами постави,
Вселенной возврати покой;
Не бойся, я защитник Твой.
Моей десницею Египтянин упорной»³¹.*

Государыня заботится о подданных и доверяет им, предоставляя свободу «писать, что чувствуют»:

*Монархия благоутробна
Противной шествуя стезей,
Без грому небесам подобна,
Щадя как Мать своих людей
Во основание закона
Любовь со высоты шлет трона;
Любовью начинает суд;
Дарует своему народу
Писать, что чувствуют, свободу;
Да сами облегчат свой труд»³².*

Однако этим подданным предстоит еще проделать огромный путь, прежде чем они смогут полностью осознать свое счастье и сделаться его достойными:

*Младенец како в рост приходит,
Сие он чувствует ли сам?
Что в нем природа производит,
Приметно ль смертных очесам?
Он бдя, крепится, возмозгает;
Он спя во мужа достигает;
И се, сосал кто рождьшей грудь,
Течет как исполин в свой путь!
МОНАРХИНЯ! Ты тем же следом
Ведешь Твоих блаженства в храм;
Тебе природы образ ведом,
В нас деять неприметно нам.
Ты знаешь, како нрава в лепость,
Доброт во исполинску крепость
Непринужденно нас облечь,
Чтоб нам Тебя достойно течь»³³.*

Императрица представляла пример праведного и разумного поведения, который находился в резком противоречии с обычным для людей образом жизни, строящимся на безудержных страстях, ложных убеждениях и общей инертности:

*Когда врагов воюешь,
В нас храбра кровь кипит;
Когда уста отверзешь,
И мудростью дохнешь,
В нас вихрь страстей умолкнет,
И зиждутся сердца;
Зазреет здравый разум,
И ложных мнений тучи
Исчезнут, яко дым³⁴.*

В этой связи особое значение приобретали у Петрова нраво-учительные рассуждения о греховной сущности человека, который не может самостоятельно бороться со своей натурой. Поэтому наказание порока не имеет смысла: нельзя карать человека за то, что является неотъемлемой частью его природы, иначе на земле просто не останется людей:

*Ах, естли б Небо должну
На грех пускало месть,
Летал бы гром за громом,
Тряслася бы земля!
И что бы смертны были?
Кто праведен пред ним?
Так власть земна коль сядет
На строгости престол,
И станет крыть суровость
Под тенью правоты,
Преобратити может
Селения в пустыню
И в жительство зверей³⁵.*

Жестокостью нельзя победить порок, единственное средство борьбы с ними – милосердие и сострадание, пример которого продемонстрировала Екатерина II:

*Слаба доброте страх подкрепа;
Он есть отчаянья отец;
В поверженных душах свирепа
Родится буря наконец.
Вотще закон свой меч изсунет,
Коль чувства к благу в них не вдунет.
Их кара вящее жесточит;
Едина милость их мягчит³⁶.*

В другом месте читаем о том, что жизнь Екатерины – это та путеводная звезда, тот «кормчий», который ведет непросвещенных к свету истины:

*Оставя власть тиранам
Врожденны страсти нам
Насильством укрочати,
МОНАРХИНЯ! Ты шлешь
Узду для оных разум;
Он нашим свет стезям,
Он кормчий действий наших;
Гнушаясь обладать
Толпой непросвещенных,
Возводиши наш дух
Ко горню созерцанью,
И учит умиляться,
Жалеть, и сострадать³⁷.*

Адресуясь к тому же комплексу представлений о Екатерине II, природе и смысле ее власти, что и Петров, Державин в «Фелице» резко меняет характер оформления этой системы: он снимает батальную тему, столь важную для Петрова, а вместе с тем резко ограничивает религиозно-мистическую проблематику, выдвигая на первый план образы частного и придворного быта и связанную с ним тему личного выбора образа жизни и поведенческого образца. Соответствующим образом меняется стилевая система: «высокому» слогу Петрова противопоставляется слог «забавный русский», и нравоучение оказывается скрыто литературной игрой. В результате возникает парадоксальная конструкция, откровенно архаичная на уровне идеологии и резко новаторская на уровне формы, наследующая Петрову и порывающая с ним.

- ¹ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII в. – М., 1998. – С. 339–355; Пумпянский Л.В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – С. 92–94; Серман И.З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира. – Л., 1973. – С. 80–89; Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. – СПб., 2005. – С. 330–334; Ивинский А.Д. Торжественная ода и литературная политика Екатерины II: Журнал «Собеседник любителей российского слова» // Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 2008. – Т. 67. – № 5. – С. 62–67.
- ² Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. – М., 1866. – С. 60.
- ³ См.: Серман И.З. Державин. – Л., 1967. – С. 34; Серман И.З. Русская поэзия второй половины XVIII в. Державин // История русской поэзии. – Л., 1968. – Т. 1. – С. 135; Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII вв. – СПб., 2005. – С. 303.
- ⁴ Вяземский П.А. Полн. собр. соч. Т. 1–12. – СПб., 1878–1896. – Т. 1. – С. 16.
- ⁵ Пушкин [А.С.] Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.; Л., 1937–1959. – Т. 1. – С. 80.
- ⁶ См., об этом, напр.: Серман И.З. Державин. – Л., 1967. – С. 56–57.
- ⁷ Державин Г.Р. Сочинения. – СПб., 1864. – Т. 1. – С. 132.
- ⁸ Там же. – С. 133–134.
- ⁹ Там же. – С. 139–140.
- ¹⁰ Там же. – С. 140–141.
- ¹¹ По-видимому, мотив «снихождения» к человеческим слабостям восходит к русской журналистике 1760–1770 гг., в первую очередь ко «Всякой всячине» (о нем подробнее см.: Ивинский А.Д. Культурная политика Екатерины II: К вопросу о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // *Slavia Orientalis*. – Warszawa, 2015. – Т. 64. – № 2. – С. 229–243).
- ¹² Державин Г.Р. Сочинения. – СПб., 1864. – Т. 1. – С. 141.
- ¹³ Там же. – С. 143.
- ¹⁴ Там же. – С. 146.
- ¹⁵ Об отношении Петрова к поэзии Ломоносова см., напр.: Алексеева Н.Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб., 2005. – С. 275–276 и след.
- ¹⁶ Об этом см.: Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». – М., 2012.
- ¹⁷ Петров В. Сочинения. Т. 1–3. – СПб., 1811. – Т. 1. – С. 141.
- ¹⁸ Там же. – С. 104.
- ¹⁹ Там же. – С. 143.
- ²⁰ Там же. – С. 20.
- ²¹ Там же. – С. 141.
- ²² Петров В. Сочинения. Т. 1–3. – СПб., 1811. – Т. 2. – С. 5.
- ²³ Там же. – С. 6–7.
- ²⁴ Там же. – С. 164.

- 25 Там же. – С. 122.
26 Там же. – С. 163–163.
27 Там же. – С. 161.
28 *Петров В.* Сочинения. Т. 1–3. – СПб., 1811. – Т. 1. – С. 107.
29 Там же. – С. 56.
30 Там же.
31 Там же. – С. 47.
32 Там же. – С. 25.
33 Там же. – С. 135–136.
34 Там же. – С. 136.
35 Там же. – С. 132.
36 Там же.
37 Там же. – С. 133.

А.А. Илюшин

ДЕРЖАВИН О РАДИЩЕВЕ И ШЕЛЕХОВЕ

Аннотация

В статье осуществлен анализ трех стихотворений Державина (эпиграмма, эпитафия, акrostих). Сближены Радищев и Шелехов, познавшие Сибирь, Ломоносов и открытие Америки, восьмистишная строфа и мотив смерти – и пр.

Ключевые слова: стих, акrostих, катрен, восьмистишие, реминисценция, линейность.

Ilyushin A.A. Derzhavin about Radischev and Shelekhov

Summary. The article presents the analysis of three poems by Derzhavin (an epigram, an epitaph, an acrostic). Bringing together Radischev and Shelekhov who had known the Siberia, Lomonosov and the discovery of America, stanza of 8 lines and the motive of death and so on.

На Радищева

*Езда твоя в Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смела, дерзка и сумасбродна.
Я слышу, на коней ямщик кричит: вирь! вирь!
Знать, русский Мирабо, поехал ты в Сибирь.*

Радищев, твое «Путешествие из Петербурга в Москву» похоже на правду, хотя эта книга смела, дерзка и сумасбродна. Смелость и дерзость у нас в почете, – «Парень был дерзким и смелым», как поется в песне. Честь безумцам. Сумароков приду- мал себе псевдоним «Сумасбродов» – и правильно. Будем дерзновенными смельчаками и отчаянными безрассудными сумасбродами.

Далее по тексту. «Я слышу». Читатель вправе предполагать, что речь тут идет об авторском «Я», о лирическом герое, можно сказать, о «лирическом субъекте», разбираемого четверостишия.